

Константин тут же скривился. Подумаешь, честь!

— Иначе за все твои прошлые грехи тебя не смыть бы и в Девяти Кругах.

Константин: «.....»

Белиал свысока глянул на Константина:

— Я дарю тебе шанс искупить вину трудом и заслужить мое прощение. Это уже великая милость.

Константин подумал: в конце концов, во всем виноват тот самый давний обман.

В этот самый момент Белиал внезапно поднял голову и устремил взгляд в небеса.

Константин невольно проследил за его взором, и тут же его лицо исказилось от ужаса. Он вскочил на ноги и с криком вырвалось:

— Нет...!!

Однако было уже слишком поздно.

С неба рухнул ярко-синий шар диаметром не меньше метра. Он насквозь пробил древесный домик, на строительство которого Константин потратил три долгих дня и который едва начал принимать хоть какую-то форму, а затем, не теряя скорости и сопроводив падение оглушительным грохотом, вдребезги врезался в землю.

Хрусь-хрусь.

Это обломки рухнувшего домика сыпались с ветвей.

Лицо Константина оцепенело, и зажатый в руке жареный кролик шмякнулся на траву.

— Еб... твою... мать...

Он только-только надеялся навсегда избавиться от участи живого матраса, а небеса решили так над ним пошутить?!

Да вашу же мать, вашу, вашу мать, твою мать!

Константин едва не поседел от ужаса.

Но тут его вывел из оцепенения тихий, полный боли стон.

Константин резко обернулся и увидел, что из воронки, пробитой синим шаром, крошечная синяя ручонка вцепилась в край ямы.

В мгновение ока синяя ручонка побелела, и на фоне розовых ногтей стала похожа на нежный лепесток.

Забыв о разрушенных трудах, Константин бросился к яме и невольно ахнул.

Края углубления покрывала толстая корка льда, и какой-то мальчуган лет семи-восьми из последних сил пытался выбраться наружу, пока его кожа постепенно избавлялась от темно-синего оттенка.

Это был невероятно красивый мальчик с черными волосами и зелеными глазами, на первый взгляд почти бесполой. Сейчас его лицо выражало панику и беспомощность, бледные губы дрожали, а освободившиеся от синевы руки были покрыты сплошными царапинами.

— Боже мой.

Константин даже не пытался понять, как этот мальчик мог появиться столь странным образом, и не стал вспоминать, что именно из-за него пошло прахом трехдневное творение. Этот мужчина, который всегда прикрывал сочувствие и жажду справедливости напускным цинизмом, без раздумий прыгнул вниз. Когда испуганный ребенок оцетинился и настороженно забился назад, Константин сам того не заметив, смягчил голос и как можно нежнее произнес:

— Не бойся, малыш, я Джон Константин, ты в безопасности.

Повторив это несколько раз, он заметил, что мальчик не ослабил бдительность — напротив, его качнуло, и он потерял сознание.

Константин вытащил ребенка из ямы.

Стоило ему коснуться детского тела, как он тихо зашипел и машинально подумал:

— Ледяной.

Держать этого ребенка было все равно что обнимать глыбу льда.

По правде говоря, он никак не мог взять в толк по какому принципу устроен этот мир: сам он находился в бесплотном состоянии души, но при этом мог есть и даже чувствовать холод и тепло.

В следующий миг по его телу разлилось тепло, мгновенно нейтрализовавшее леденящий холод, исходивший от мальчика.

Константин опешил и невольно глянул на стоявшего у края ямы Белиала.

Владыка Преисподней отвел взгляд, словно это не он только что поделился силой, способной противостоять морозу.

Константин моргнул, вспомнив то время, когда он обманывал Белиава.

Поскольку он ошибся в истинном имени демона, у него не было никакой власти над Белиавом. Этот повелитель без труда мог перебить их всех до единого и вернуться в ад, но вместо этого он помог ему изгнать демона из Астры.

Константин закусил губу: неужели он поступил не слишком честно, провернув тогда такой трюк?

Белиал забрал взгляд, обращенный на Константина.

Этот смертный был весьма странным.

Еще минуту назад он злился из-за разрушенного жилища, но стоило ему обнаружить, что виновником оказался детеныш, как гнев мгновенно улетучился, сменившись тревогой и заботой.

Между ним и этим малышом ведь не было никакой связи, верно?

Если подумать, этот детеныш только что подставил Константина, верно?

Почему же он совсем не злится?

Белиал нахмурился, находя это поведение непостижимым.

Тем не менее, услышав мольбу Константина о защите, он проявил великодушие и щедро поделился с душой смертного капелькой тепла, чтобы тот не окоченел рядом с явно нечеловеческим детенышем.

Затем Белиал перевел взгляд в сторону и сурово бросил:

— Кто здесь?

Константин, выбравшийся из ямы с ребенком на руках, вздрогнул и обернулся.

Из чащи дерева постепенно выплыли две полупрозрачные фигуры.

Константин замер: их наряд внезапно пробудил в нем острую ностальгию.

Семья Старков

Да уж, насмотревшись в этом мире на сплошные средневековые робы и балахоны, неожиданно увидеть строгие костюмы и юбки — Константин нашел это невероятно родным.

Перед Белиавом стояли мужчина и женщина лет тридцати-сороковых. На мужчине был тройной костюм серебристо-серго цвета, под носами красовались усики — красавцем его назвать было нельзя, но с человеческой точки зрения он определенно обладал мужским обаянием. Женщина была одета в черный деловой костюм, излучая мягкость и интеллигентность.

Они жались друг к другу, переплетя пальцы, и смотрели на Белиала с настороженностью и легкой тревогой.

После короткого молчания мужчина заговорил первым:

— Здравствуйте, сэр. Я Говард Старк, а это моя жена Мария Старк. Могу я узнать, где мы находимся?

Мария тревожно сжала руку Говарда. По дороге домой они подверглись нападению: Говард, казалось, узнал нападавших, но не успел он и слова сказать, как пуля угодила в бензобак, взорвав машину.

Взрыв разметал все вокруг, и муж попытался прикрыть ее собой, но это не спасло их от общей гибели.

Сразу после этого они словно столкнулись с чем-то ледяным, и сознание провалилось в темноту.

А когда они открыли глаза, то увидели перед собой горящий костер, ослепительно прекрасного, но смертельно опасного мужчину, а чуть вдалеке — красивого парня,

вылезавшего из ямы с ребенком на руках.

Говард и Мария смутно догадывались, что именно рухнуло на них с небес.

Очевидно, они больше не были живыми, ведь они больше не выглядели дряхлыми и старыми.

Мария посмотрела на Говарда: он выглядел точно так же, как тридцать лет назад.

Говард не верил ни в рай, ни в ад, но неужели в таком состоянии им с Марией суждено вечно скитаться бесплотными теньями?

И даже если так, почему они оказались не рядом с Тони? Он места себе не находил от мыслей об этом избалованном и гордом сыне, боясь, что тот не переживет весть об их гибели.

— Здесь? — Белиал приподнял бровь. — Это Тальперион, Средиземье.

Говард и Мария: никогда о таком не слыхали.

Больше не обращая внимания на души этих смертных, Белиал покосился на Константина и изогнул губу:

— Ты собираешься его вырастить?

Константин крепче прижал к себе ребенка. Помня, кто перед ним стоит, он осторожно ответил:

— Я позабочусь о нем лишь на день. Если можно, когда он очнется, я бы хотел отправить его домой.

Белиал хмыкнул:

— Ц.

В конце концов, все-таки привязался к этому детенышу.

Потерев подбородок, Белиал снова перевел взгляд на парочку призраков и спросил:

— Умеете обращаться с детенышами?

— С детенышами? — Говард растерялся, но тут же сообразил, кого имеет в виду этот опасный тип, и опешил.

Умей он ладить с детьми, их отношения с Тони не скатились бы до такого ледяного холода.

— Я смогу о нем позаботиться, — неожиданно произнесла Мария, умоляюще глядя на Белиала. Она повторила: — Я смогла бы за ним присмотреть.

В глубине души она чувствовала, что этот мужчина может помочь им разобраться с их нынешним положением.

К тому же, закрывший глаза мальчик растопил ее сердце до состояния нежности. Пусть он даже не человек и стал причиной их гибели в этом незнакомом мире — материнская забота о малышах была у нее в крови, независимо от расы.

Сейчас Мария думала лишь о том, какой бессердечный монстр мог сотворить такое с ребенком, сбросив его с высоты.

— Ладно, — бросил Белиал. Местные энты не подходили для роли нянек, тащиться в Лихолесье к эльфам ему было лень, а главное — на Константине висела куда более важная задача, и возиться с малышом у того времени не было. Появление этих душ оказалось как нельзя кстати.

Конечно, Белиал мог просто забросить этого детеныша куда подальше. Но инстинктивная забота о молодняке никуда не делась, даже после того как он превратился в падшего ангела.

Белиал щелкнул пальцами.

Говард и Мария отчетливо почувствовали, как внутри хлынул поток тепла. Переглянувшись, они с удивлением заметили, что их полупрозрачные тела стали плотнее.

Говард и Мария: «!!!»

Говард осмотрел свои руки и пробормотал:

— Какое невероятное чудо...

Оставляя позади шокированных призраков, Белиал обратился к Константину:

— Можешь передать малыша им.

Кивком головы он указал на валяющуюся на земле тушку кролика:

— То, что упало на землю, я не ем.

Константин подумал: почему его не покидает ощущение, что Белиал вернул тем двоим плоть лишь для того, чтобы освободить руки Константина для готовки?

Мария робко подала голос:

— Думаю, я смогла бы помочь с обедом.

Белиал посмотрел на женщину, которая по-прежнему оставалась красивой и мягко улыбалась.

— Думаю, я готовлю неплохо.

Да не то чтобы неплохо!

Говард с нежностью посмотрел на жену: ее стряпня была лучшей на свете.

— Хм... — Белиал погрузился в раздумья.

Увидев это, Константин тут же воспрял духом.

Неужели он наконец выберется из этого адского кулинарного кошмара?

Раз еда все равно получается такой отвратительной, стоит ли им дальше мучить друг друга?

— Ладно, — со вздохом согласился Белиал.

Константин только было собрался расплыться в улыбке, как услышал невозмутимый голос:

— Вот ты и будешь учить Джона Константина кулинарному искусству.

Константин: «.....»

Будь проклят владыка Преисподней, будь проклят Белиал!

Белиал не собирался лично ухаживать за малышом, поэтому пока Мария с Константином возились на кухне с обедом, Говард взял заботу о ребенке на себя.

По указанию Марии он смочил ткань и принялся аккуратно протирать мальчику лицо и руки.

Тут-то он и заметил на шее ребенка багрово-синие следы от удушья, а на ручках — множество мелких царапин. Очевидно, малыш подвергся жестокому обращению.

Говард нахмурился: у кого поднялась рука поднять ее на столь крошечное создание?

В этот момент мальчик тихо простонал, болезненно свернувшись калачиком и тяжело задышав.

Мария и Константин тут же бросили дела и подбежали ближе.

Лицо мальчика снова покрылось синевой, а исходивший от него холод мгновенно заморозил землю вокруг.

Константин лишь слегка коснулся его руки и тут же зашипел. Поднять ребенка на руки, как в первый раз, он уже не мог: сейчас тот был в разы холоднее.

На ресницах и брови мальчика налистал иней, казалось, он замерзает насмерть.

Константин беспомощно смотрел на ребенка. Когда он только принес его, то быстро проверил кости и конечности — переломов не было, дыхание ровное. Но теперь стало очевидно, что с телом мальчишки что-то не так.

Им нужен был лекарь. Примерно в тридцати милях отсюда лежало Лихолесье, где обитали эльфы — возможно, у них нашлось бы средство исцеления.

Но путь туда и обратно займет слишком много времени. У него не было ни машины, ни самолета, ни магии перемещения, и он понятия не имел, продержится ли ребенок до того момента, как он приведет эльфийского врача.

А главное — сможет ли этот лекарь вылечить мальчика, который явно не был человеком.

Поколебавшись, Константин посмотрел на Белиала.

Тогда Гавриил разом исцелил его рак легких и вернул к жизни Чеза. Белиал же, будучи бывшим серафимом и нынешним владыкой Преисподней, обладал не меньшей силой.

Белиал прекрасно понимал, чего от него ждут, но даже не удостоился взглянуть на Константина.

Константин потер лицо и наконец выдавил:

— Уважаемый владыка Белиал.

Белиал не обернулся, но уголок его брови чуть приподнялся.

Ого, этот смертный заговорил с ним на «вы»?

Такой чести удостаивались лишь те времена, когда тот пытался его одурачить.

— Умоляю, спасите этого ребенка.

Константин смотрел на спину Белиала, и в его голосе дрожали нотки.

Ребенок слишком мал, он не должен вот так просто умереть.

В ядре души Белиала что-то резко кольнуло.

Он инстинктивно прижал руку к груди и слегка нахмурился.

Какое странное чувство.

Белиал невольно повернулся и посмотрел на Константина.

Прикусив губу, он вынужден был признать: у Джона Константина были глаза, способные обмануть даже демона.

В его взгляде крылось что-то такое, что Белиал отчаянно хотел разгадать, но не знал с чего начать.

Помолчав, Белиал поднялся и подошел ближе.

— Ты просишь за него?

— Да, я умоляю вас.

Константин серьезно смотрел на демона.

Белиал вдруг вспомнил слова Гавриила о том, что этот смертный добровольно отправился бы в

ад ради спасения покончившей с собой души.

Почему же он тогда простил этому смертному его дерзость?

Белиал погрузился в задумчивость.

Потому что душа этого человека была переполнена муками, от которых невозможно избавиться; она не знала ни абсолютного света, ни кромешной тьмы — как и душа любого сложного человека.

Но Белиал заглянул в самую глубь этой души и разглядел там цвет обсидиана.

На самом деле эта душа была прекрасна.

Белиал отвел взгляд.

И в тот момент, когда в сердце Константина уже зарождалось отчаяние, он услышал равнодушный голос:

— Сегодня вечером жареного кролика не жди. Приготовь что-нибудь другое.

Константин замер, а затем увидел, как Белиал протянул руку ладонью вверх — и мальчик, чье тело наполовину посинело, а дыхание едва теплилось, вдруг оторвался от земли.

Белиал провел ладонью над телом ребенка, чуть нахмурился, а затем резко сжал кулак, делая движение, будто вытягивает что-то изнутри.

Мальчик широко открыл глаза, разевая рот в беззвучном крике, но из горла не вырвалось ни звука.

Спустя мгновение ребенок выглядел так, будто его только что вытащили из воды.

Его голова бессильно свесилась.

Мария едва не завизжала от страха.

Но на глазах кожа мальчика вновь порозовела. Он плавно опустился на траву, и дыхание его выровнялось.

Белиал перевернул ладонь — над ней парила черная капля жидкости, источавшая густую

зловещую ауру.

Говард осторожно проверил пульс мальчика: тот бился ровно и сильно. Выдохнув, он произнес:

— Все в порядке.

Мария наконец позволила себе расслабиться.

Константин тоже шумно выдохнул, покосился на парящую над рукой Белиала черную субстанцию и нахмурился:

— Это яд?

— Верно, — хмыкнул Белиал. — Яд крайне едкий, смертельный даже для долгоживущих рас. Тот, кто отравил его, лютой ненавистью ненавидел этого детеныша — мало того, что хотел убить, так еще и стремился разрушить циркуляцию магии в его теле. Если бы не врожденная, довольно сильная кровь малыша, такой яд убил бы его в ту же секунду, как попал внутрь.

А не позволил бы крови инстинктивно бороться за жизнь хозяина.

Тóрн Громовержец

Хотя Белиал не славился целебными способностями наравне с Рафаилом, справиться с ядом и восстановить циркуляцию магии в теле ребенка для него было проще простого.

Вот только мягкой и ласковой целительной силы Рафаила у него не было, так что процесс вышел слегка болезненным.

Зато результат оказался налицо.

Вспыхнуло темное пламя и в одно мгновение поглотило всю заразу.

Какая низость.

Мысленно Белиал охарактеризовал того, кто решился отравить этого малыша.

Поднять руку на детеныша — уже позор, но использовать при этом яд — тьфу.

Вскоре мальчик пришел в себя.

Он склонил голову набок и с любопытством огляделся.

У него были невероятно красивые светло-зеленые глаза, фарфорово-белая кожа и черные волосы — вылитый маленький принц из сказки.

И дело было не только в растаявшем сердце Марии — даже суровый Говард не мог оторвать взгляд от ребенка, мысленно проклиная мразь, посмевающую отравить его.

Встретившись взглядом с Константином, мальчик тут же просиял.

— Это ты... спас меня?

Константин пожал плечами:

— Не я. — Он кивком указал наверх, где Белиал восседал на ветке словно на троне: — Владыка Белиал спас тебя.

Мелкий, выбирай объект для благодарности правильно, подлизывайся к нему — вдруг этот тип соизволит отправить тебя домой.

Мальчик поднялся, отряхнул пыль с одежды и низко поклонился сидевшему на ветке Белиалу.

Уже по тому, с какой элегантностью и плавностью он это сделал, было очевидно, что происхождение у ребенка далеко не простое — либо богатство, либо знать.

— Благодарю за помощь. Я Локи, из... — мальчик вдруг осекся. Выпрямившись, он с полными зелени глаз растерянности пробормотал: — Из... откуда я?

В глазах ребенка вновь зародился страх:

— Я Локи, из... из... мой отец... — он обхватил голову руками, паника исказила его черты. — Почему, почему я ничего не могу вспомнить?!

<http://bllate.org/book/21222/2147508>